

ЦВЕТНАЯ ДУША

Н.Н. Александров

Откуда цветной мусор?

Совсем недавно цветной телевизор дома был такой же редкостью, как сейчас – персональный компьютер. Сегодня мы настолько привыкли к многоцветному экрану, что не задумываемся, почему же нас в те недавние времена вполне устраивал черно-белый телемир. А взять историю фотографии – цветное фото как принцип появилось почти одновременно с черно-белым, но массовое распространение получило совсем недавно. В газете цветные фотографии астронавтов появились лишь перед стартом “Аполлона” на Луну, и это была сенсация. Мы еще не взяли эту высоту, но “Собеседник” уже осваивает язык цвета, и недалеко то время, когда любая многотиражка будет считать ниже своего достоинства помещать черно-белые фотографии.

Это явление – сначала бесцветность, потом цветной мир – носит настолько всеобщий характер, что его можно обнаружить как в истории животного мира, так и в истории человеческой культуры в целом.

Самая сложная система – человек. Он наследует все от мира живого, и этим интересуется физиология цвета. Он наследует все от мира культуры, и это – сфера цветопсихологии. Цвет является универсальным показателем развитости личности. Высокопродуктивные японские рабочие, прошедшие все ступени своих школ, где цвету уделяется поразительное внимание, различают несколько тысяч оттенков каждого цвета. А племена, стоящие на самом низком уровне развития, различают только один цвет – красный. Когда одного нашего дизайнера, вернувшегося из Англии, спросили, что его больше всего поразило, он ответил: цветной мусор! А ведь еще лет тридцать назад ни Англия, ни другие

цивилизированные страны не были такими цветными. Вспышка цвета происходит одновременно с ростом благосостояния нации, с ее расцветом.

Есть мнение, что цветной мир делает человека и его душу многоцветной. Живущие в унылых серых коробках, надевающие унылую серую одежду, не потому ли имеют унылые, серые мысли? Но однозначно ли это утверждение?

Почти всегда на выставках авангарда находится ярый сторонник Шишкина – Репина, который возмущается “этой мазней на уровне детского сада”. Спорить с любителями фотографического реализма бессмысленно. Им чужда мысль Фернана Леже о том, что *цвет является самостоятельной реальностью*.

В начале двадцатого века искусство круто повернуло в сторону эксперимента. Относиться к этому можно как угодно, но цветной мусор цивилизации появился только благодаря тем экспериментам авангарда. Уже на грани веков “пуантелизм” превратил живопись в точную науку: в фильме о Ван Гогге превосходно был показан процесс создания картины, где каждая точка поверхности почти научно вычислялась, а мастерская Сёра была заставлена тысячами банок с оттенками красок. Эти “лабораторные работы” вошли сегодня в классику мировой живописи.

Сама же тема цвета в живописи, в искусстве гораздо обширнее: то или иное цветовое сочетание в настенных росписях тысячелетней давности является показателем уровня цивилизации. Можно солгать в чем угодно, но в использовании цвета солгать невозможно. Ранняя культура (или революционная ситуация) всегда маячит красным цветом. Дряхлеющие культуры, стоящие на пороге развала, всегда мерцают оттенками декаданса: серый, сиреневый, зеленоватый, серо-синеватый, золото. Как в фильме «Валлот».

Человек в своей жизни проходит те же этапы, что и культура в целом. Дети любят яркие, активные, открытые цвета. Сельские старушки одеваются в изысканные тона декаданса, тяготеющие к черному и фиолетовому. Солидные

мужчины предпочитают английский синий костюм в полоску. Политические деятели с поразительной настойчивостью носят преимущественно серые костюмы. Цветущие девушки точно знают, что розовое и голубое делает их воздушными и загадочными. И все это повторяется много-много столетий.

Цветная среда в квартире всегда была излюбленной игрушкой художников. Но вот в конце сороковых годов одна американская газета написала: “Пенсильванские волоочильные заводы напоминают рождественскую елку, сошедшую с ума”. Это начались эксперименты с цветом в производственной среде. Для обеспечения надежности при работе с опасной техникой первыми цветом всерьез занялись военные. И им не сразу удалось обнаружить, что видимая боковым зрением оранжевая панель прибора снижает эффективность работы оператора в несколько раз. “Цветовой климат” оказался вопросом, влияющим на производительность труда и безопасность. А поскольку речь пошла о безопасности и прибыли, то стало не до шуток. Следующими за дело взялись промышленники. В итоге во многих развитых странах возникли Институты Цвета, задача которых – сделать весь видимый мир гармоничным по цвету. Они выпускают не благие пожелания, как большинство наших организаций, причастных к этому, а точные рекомендации, являющиеся для всех законом. Промелькнула заметка о том, что один домовладелец в США судится с муниципалитетом: ему захотелось покрасить дом в голубой цвет, а муниципалитет требует только в розовый, иначе разрушится цветовой строй улицы.

Наконец, есть масса любопытных данных о влиянии цвета в природе на человека. Нам хорошо в лесу. Но почему деревья и трава зеленые? Почему древние животные были сначала серыми, а потом позеленели, например ящерицы? Почему цветы – цветные? Почему в зеленом лесу нам хорошо, а в помещении, окрашенном в зеленое, на нас нападает “зеленая тоска”? Почему душевнобольных помещают в “желтый дом”? И так далее...

Бык и красная тряпка

Когда стройный тореадор размахивает перед быком своим красным плащом, бык звереет и идет в нападение. Из этого факта долгое время делался вывод, что быки видят мир черно-белым, а из цветов выделяют только красный. Но тщательные исследования показали, что это – заблуждение: бык не видит цвета и реагирует на движение. Зато кошки, наши друзья, действительно, различают только красный цвет, все остальное для них – оттенки серого. Не уверен в достоверности этих данных, но уверен в закономерности, что *чем выше психическая организация животного, тем больше его способность различать цвет*. Приматы уже очень близки к человеку, но их цветовая гамма все же достаточно проста.

Красный цвет стоит в центре внимания любых исследований цвета. Если брать простейшее объяснение, то достаточно посмотреть на солнце с закрытыми глазами: мы увидим цвет крови, пульсирующий в наших веках. В гневе человек наливается кровью, багровеет. Поэтому с красным связано напряжение, кровавость, сила, месть и т.п.. Но красный цвет в культуре – вещь гораздо более сложная, и начало его – диалектика света и тьмы.

Что такое белый цвет? Это просто свет, наличие света, ослепление глаз. Что есть черный? Это небытие цвета, не только не-свет, но и не-цвет. Столкновение черного и белого создает максимальное напряжение и изначально присутствует во всех религиях: борьба света и тьмы, добра и зла, божественного и дьявольского. Белое связано с испепеляющей яркостью, белое – власть природной стихийной силы, несущей добро. Кстати, в некоторых восточных религиях традиционный цвет траура – белый, но лишь потому, что смерть считается в них не утратой, а благом, приобщением к новой жизни. Чернота звездного неба, особенно без проблеска света, всегда напоминает могильный мрак, и в этом тоже нет ничего человеческого: стихийная злая сила смерти – вне власти человека. Черно-белые одежды можно увидеть на всех ранних иконах,

они вошли в традицию христианства. Но и в восточных религиях есть великие черно-белые знаки, например вариант знака Дао Де Дзин – а это великий знак, символизирующий взаимопроникновение, диалектику сил света и тьмы (и многое-многое другое).

Итак, черное и белое, столкнувшись, порождают напряжение из двух сверхсил, но что же тогда есть красное? Красное есть наша вторичная реакция на такое столкновение. И это – реакция человека социального. Состояние, вызываемое красным, предельно активизирует наш зрительный аппарат и мозг. Так, в средние века больного врачи помещали в красную комнату с красными занавесями и стенами, и он быстрее выздоравливал.

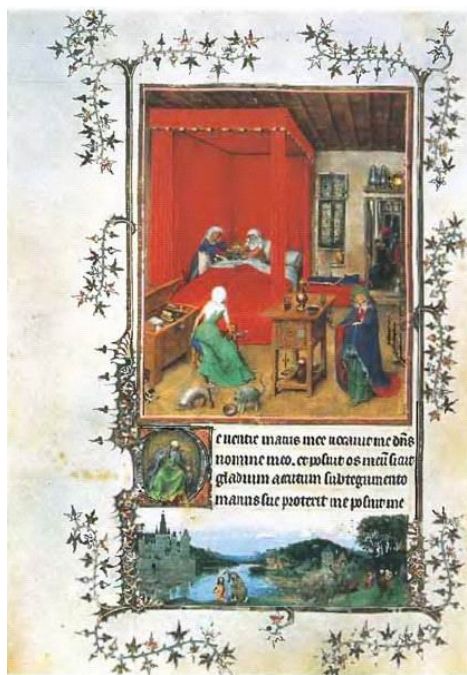

Рис. 1. Комната больной. Рисунок из манускрипта, готика.

От этого напряжения пошло вообще все “красное” в русском языке: красно солнышко, красна девица, красная рубаха и красный кафтан в сказке Ершова. Красное не есть хорошее или плохое, красное есть превосходное: “красно говорит” – это не значит, что говорит правду, просто язык хорошо подвешен.

В неразвитых культурах одно слово означает многое сразу. В коренных языках западной Африки есть только три “цветных” термина: красное, белое, черное. О темно-синем небе, воде и так далее говорят: черное; о светло-голубом – белое. Простой пример: как только общество вступает в новую фазу, в женской моде появляется та же тройка. Мои читатели, вероятно, помнят, что начала циклов повторяются через 33 года. Костюмы и графика 20-х годов были черно-бело-красными (вспомните наши плакаты 20-х), то же повторилось в конце 50-х, но уже тоньше по цвету.

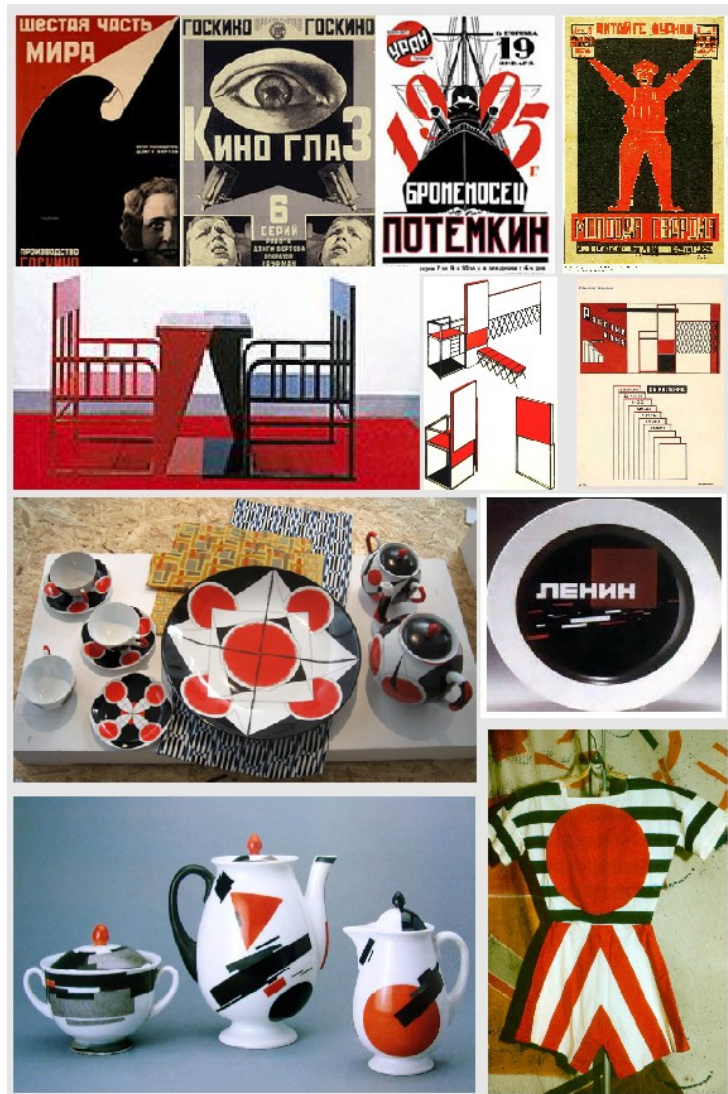

Рис. 2. Модные тенденции 1920-х в СССР.

На рубеже 70–80-х годов было предсказано, что очень скоро в моде будет эта тройка. И она появилась точно с началом перестройки... во Франции – это доказывает всеобщность эстетических циклов. Стал бешено популярен наш красный флаг: его изображения с удовольствием носят американцы, на фоне громадного советского флага проходят демонстрации мод в Италии.

Даже мы сами заболели любовью к родному флагу, по-обезьяньи подражая моде, пришедшей с Запада. Несколько лет держались самопальные значки с советским, американским и английским флагами; там присутствует еще синее, эквивалент черного в развитых культурах.

Рис. 3. Флаги в моде.

Иногда говорят о теплых и холодных цветах: это – простая ассоциация, она имеет в основе те же понятия света и тьмы: свет одушевляет, поднимает настроение, активизирует: мы любим погожие деньки и дальний свет в ночи. Наше светило богато одаривает нас желтым, оранжевым, красным. Работники западного общепита давно заметили, что в оранжево-красном баре люди заказывают и поедают больше. И наоборот: голубой, зелено-голубой, успокаивает, убаюкивает. Более того, эти цвета помогают преодолеть бессонницу, поэтому в спальнях лучше иметь голубой колорит. Курорты и горы благотворны во многом благодаря голубизне неба, моря, льдов. А в операционных

палатах голубое не только успокаивает, но и способствует уменьшению нагноения ран. Зеленый цвет снижает кровяное давление, облегчает головные боли, расширяет сосуды, поэтому нам так хорошо в зеленом лесу. Но лес еще и заслоняет нас от шума города, всяческих полей. Иное дело – зеленая краска: она энергетически мертвая, статичная. Наконец, синий пассивизирует очень сильно. Человек в синем костюме как бы ставит цветовой барьер между собой и окружающими. У меня по этому поводу был смешной случай, в момент, когда я говорил про это на лекции работникам завода, вдруг вошел их директор – в том самом синем чопорного цвета костюме английской аристократии. Он так и не понял, с чего вдруг его появление вызвало в зале подавленный хохот.

Если идти дальше, то назовем фиолетовый: он вызывает угнетенное, мистическое состояние духа. Недаром кардиналы носили именно фиолетовую мантию. А в храмовых комплексах вообще излюбленным сочетанием является золото с фиолетовым: это – мистическое сочетание.

Цветик-семицветик

Итак, красный цвет как центральный вроде бы самый явный. Но вот что интересно: его трудно назвать теплым или холодным – он скорее нейтрален. А вот его особый оттенок – чистый пурпур – ценился в древности на вес золота, буквально. За право носить красную тогу или плащ отдано немало жизней. Стоит примешаться к красному хоть капле желтизны, как мы получим оранжевый оттенок, – этот цвет станет теплым. Если примешать хоть немного синевы – поплывет фиолетовый холод. На этих нюансах различают себя духовная и светская власть: короли носят пурпур с золотом, высшие чины церкви – фиолетовый с золотом.

Интересно, а что мы при этом увидим на черно-белом телеэкране? Оказывается, желтизна светлит красный на экране, он осветляется. С синим – наоборот: он как серый тон темнеет. Следовательно, регуляторами являются

силы света и тьмы, а красный как бы посередине. Я столкнулся с этим, рассматривая черно-белую репродукцию картины Тициана, где красный превратился в средний серый тон: картина перестала существовать как праздник и превратилась в неясную мазню.

Что же получается? А вот что: желтый – это наша реакция на свет вообще, она связана с Солнцем, имеющим скорее теплый оттенок. Теперь о синем: если мы будем долго смотреть на оранжевую бумагу или закат в оранжевых тонах, то, закрыв глаза, увидим яркий синий тон. Синий есть противоположность и дополнение – оранжевому. Теперь долго смотрите на желтую поверхность – и, закрыв глаза, вы увидите яркий сиреневый оттенок, фиолетовость. Теперь понятно, почему до революции психиатрические заведения окрашивали в желтый цвет? Потому, что в психике возникает фиолетовый дополнительный оттенок, а фиолетовый пассивизирует, снижает агрессивность. Кандинский говорил, что излучение желтого цвета доводит его до безумия: это – цвет помешательства. Из его признания становится ясно, что такое “желтый дом”.

Любопытно: если вы работаете в цехе, где стены и станки зеленые, то спокойствия не возникает: закрыв глаза, вы видите мир в красном. Выйдя из такого цеха, человек вдруг испытывает приступ раздражительной агрессивности. Идет реакция на цвет. Вспомните, кому приходилось печатать фотографии при красном освещении: выйдя из такой комнаты, вы не можете узнать людей: у них зеленые лица.

Перейдем к природе: почему деревья, травы и пресмыкающиеся – зеленые? Оказывается, наше светило несет на землю преимущественно инфракрасные лучи. Они несут и свет, и живительное тепло, они обладают свойством не рассеиваться. И, чтобы поглотить их, нужно иметь противоположный цвет – зеленый. А на экране черно-белого телевизора и красная и зеленая краска иногда одного и того же серого тона. По сути, это одно явление, но противоположного знака. Красный – напряжение и тепло, зеленый – ничто.

Зеленый не отражает все лучи, как белая поверхность, но и не поглощает все, как черная. Он точно ориентирован на поглощение красного излучения.

Если присмотреться к витринам универмагов, то можно заметить, как выгорают цветные ткани и конверты пластинок. Некоторые цвета словно смываются – окраска сводится к серому. Но удивительнее всего, что то же явление можно наблюдать и в культуре, в частности в живописи: если ранние периоды основаны на черно-бело-красном, то поздние как бы выцветают. Линялые цвета преобладают в живописи всех видов маньеризма, декаданса, поздних культурах Рима, Египта и так далее. От предельного зрительного напряжения идет очевидное движение к предельной зрительной расслабленности.

Опираясь на предыдущие публикации по теме цикличности, могу утверждать, что здесь есть и такие связи: напряжение наполнено социальным единством, напряжение проявляет себя в огромном космическом масштабе, напряжение ориентировано на будущее. И выразить это в цвете можно лишь максимальным напряжением тона (черно-белое) и цвета (красное). Расслабленность связана с индивидуализмом, расслабленность замкнулась в мизерном пространстве, расслабленность уходит от проблем настоящего и будущего (мечта о золотом веке в прошлом). Расслабленность рафинированного индивидуализма (красиво разлагаюсь и знаю это) может быть выражена только блеклыми оттенками синей части спектра. Вспомните Врубеля – его синий, сиреневый, блеклый или черный колорит.

Но это – начало и конец циклов культуры. Начало звенит красным, и красный есть начало. Конец культуры погружен в зеленовато-синее, и зеленый есть ничто. Здоровое, жизнелюбивое искусство, например Возрождение, имеет чистые, открытые, яркие цвета, которые любят дети, все они уже слегка смягчены. Например, у Леонардо для этого существовало “сфумато”, прекрасная дымка, делающая его живопись такой воздушной.

На ранних снимках “Битлз” в черной коже, а потом выступают в строгих черных костюмах и белых рубашках. Они переживают период архаики.

Постепенно в их облачении появляются цветные рубашки, а к выходу “Сержанта” – насмешливо-дурацкие цветные мундиры и многоцветие.

Наконец, ко времени распада и особенно после него они больше не используют активные цвета.

Рис. 4. Эволюция цветового образа Битлз.

В поэме Блока “Двенадцать” – три “краски” революционной архаики: черный вечер, белый снег, да еще “кто там машет красным флагом?”. “Аквариум” поет *о золоте на голубом* – посткультура, закат застоя. Цветная душа в искусстве.

Наивно думать, что цвет или же сочетание цветов действуют на человека так прямо, как мы описали. Говоря точно, человеку нужен не цвет, а смена цветов – тогда его здоровье гарантировано. Но, даже не зная о человеке ничего, мы встречаем его по одежке. Девушка в красной юбке и зеленом свитере с желтым, вы напоминаете вульгарного попугая! Хотя сам по себе он прекрасен:

Рис.5. Все цвета спектра хороши только у него в одежде.

Всмотритесь в культуру, найдите ее пульс. Тогда на фоне всеобщего найдете и свое.

Так во все времена: мы живем во времени и в его цвете. В цвете – характер, вкусы, уровень развития. В цвете и возраст. Но много ли надо, чтобы раскрасить свой мир? И выразить свою неповторимую цветную душу.

Цветная душа // “Молодежный акцент”, N 10. г. Тольятти, 1990.

